

Генерал от инфантерии Викентий Михайлович Козловский. (Некролог)

15-го января, после тяжелой болезни, на семьдесят седьмом году жизни, скончался в Петербурге член комитета о раненых генерал от инфантерии *Викентий Михайлович Козловский*, один из известнейших кавказских ветеранов.

Небогатый дворянин Могилёвской губернии, он в 1813 году поступил в Дворянский полк, для изучения порядка военной службы, как тогда говорилось, и через два года произведён в прапорщики в 16-й (впоследствии 43-й) Егерский полк, расположенный на Кавказе. С прибытием в июле 1815 года к полку начинается кавказская служба Викентия Михайловича, которую можно назвать боевою только с 1819 года, когда он впервые участвовал в деле с горцами при открытии прохода в Большую Чечню чрез ущелье Хан-Кале. Почти сорок лет после этого первого дела провёл Викентий Михайлович на Кавказе, отдавшись весь боевым трудам, составив себе громкую боевую известность, и оставил этот край (в 1858 году) накануне прекращения борьбы на восточном Кавказе. Утомление и расстройство здоровья от столь продолжительной боевой службы не позволили доблестному воину участвовать при окончательном покорении края, бывшего поприщем стольких славных боевых подвигов его.

Как ни блистательна и полна живого интереса боевая служба Викентия Михайловича, но проследить её сколько-нибудь подробно нет возможности; это значило бы рассказывать подвиги мужества и геройского самоотвержения кавказских войск в 30-х, 40-х и 50-х годах, потому что в редком из дел, сколько-нибудь важном, он не участвовал. Оттого по необходимости приходится ограничиться только более резкими чертами его служебной деятельности.

Кроме участия в экспедициях 1819 и 1825 годов, капитан Козловский, находясь в 1826 году в отряде под личным начальством генерала А. П. Ермолова, за отличие, оказанное при разбитии чеченцев и совершенном истреблении аула Урус-Мартан, награждён орденом святой Анны 4-й степени с надписью «за храбрость». Зная, как трудно в то время получались награды, смело можно полагать, что какие-нибудь особые боевые качества молодого капитана сделали его заметным в глазах такого строгого ценителя, как А. П. Ермолов, которого внимание трудно было приобрести одною только личною храбростью. И действительно, зорек был глаз славного генерала. Не далее как через два года капитан Козловский командирится кавказским начальством в Петербург с лейб-гвардии Горским полуэскадром, который, в первый раз по сформировании, отправился на службу в столицу. Это поручение быть, так сказать, дядькою и учителем людей, пылких от природы, не умеющих сдерживать своих порывов, совершенно незнакомых с дисциплиною — горцев, требовало большого такта и характера. Если же прибавить, что на командированном офицере лежало расходование довольно значительных сумм, отпускавшихся на содержание полуэскадрона, и порядок этого расходования вовсе не был знаком командиру части, также природному горцу, то назначение, какое получил Викентий Михайлович, служит доказательством, что он уже в то время стоял на виду у высшего кавказского начальства. Оправдал ли он возложенное на него поручение — показывает производство его в следующем году «за отличие по службе» в майоры. С этим полуэскадром в 1831 году, при открывшейся войне с польскими мятежниками, он, перейдя границу, поступил в Белостоке в конвой к Цесаревичу Константину Павловичу, а впоследствии к Великому Князю Михаилу Павловичу. В течение кампании майор Козловский участвовал при взятии Варшавы и потом в преследовании корпуса Рыбинского до прусской границы. За отличие, оказанное при штурме

*Лаврентьев, А. И. Генерал от инфантерии Викентий Михайлович Козловский. (Некролог) / А. И. Лаврентьев // *Русский инвалид*. — 1873. — 27 января (№ 21). — С. 3—4.

Варшавы, он награждён орденом святого Владимира 4-й степени с бантом; медалью за взятие варшавских укреплений и знаком отличия польского ордена «за военные достоинства» 3-й степени. По возвращении полуэскадрона в Петербург боевой меч заменяется снова указкою ментора по хозяйственной части, и снова, в вознаграждение ревностно исполняемых обязанностей, майор Козловский получает за отличие по службе чин подполковника в 1832 году.

Но, несмотря на лестное внимание к своей усердной службе, несмотря на полученные награды, на развлечения столичной жизни, жажда боевой деятельности, столь сродной натуре В. М. Козловского, томит его, и он в конце того же 1832 года уезжает из Петербурга обратно в свой 43-й Егерский полк, из которого, впрочем, тотчас же переведён в 42-й, а оттуда в Тифлисский Егерский полк. Последний перевод состоялся в ноябре 1834 года; в декабре же Викентий Михайлович расхаживает уже по Большой Чечне, с бою приводя в покорность враждебные аулы. В таких же занятиях застаёт его и 1835 год. За эти экспедиции он награждён орденом святого Станислава 2-й степени.

В следующие годы спокойствие в Чечне, по-видимому, водворяется довольно прочно. А между тем боевая опытность подполковника Козловского понадобилась начальству на другом отдалённом пункте, именно на восточном берегу Чёрного моря. В 1838 году он назначается командующим войсками, расположенными в Абхазии, и, едва успев прибыть туда, участвует в десантном отряде на Сочу и в бывшем при этом жарком деле, за отличие в котором награждён орденом святой Анны 2-й степени. Весь 1839 год и первую половину 1840 года подполковник Козловский проводит в непрерывных, почти ежедневных делах и перестрелках с неприятелем, состоя в отряде генерал-лейтенанта Раевского, который действовал на восточном берегу Чёрного моря, занимая пункты, назначенные для возведения укреплений. Во второй половине 1840 года Викентий Михайлович командует уже самостоятельным отрядом, имеющим назначение усмирить возмущение в Цебельде, возвести укрепление у Марамбы и, движением внутрь страны, водворить спокойствие силою оружия или переселением непокорных аулов, где это окажется нужным. Точный в исполнении приказаний, он оканчивает поручение с полным успехом, за что награждён орденом святой Анны 2-й степени с Императорскою короною. Но ещё в 1839 году, вследствие преобразования управления Абхазии, упразднена должность командующего там войсками, почему подполковник Козловский и остаётся до начала 1841 года в распоряжении начальника черноморской береговой линии.

Между тем положение дел в Чечне, этом первоначальном поприще боевой деятельности Викентия Михайловича, совершенно изменилось. Поголовное восстание 1840 года застало нас далеко не готовыми стать в уровень с совершающимися событиями. Понадобились здесь лица, военная опытность которых, знание края и энергия были бы уже засвидетельствованы их прежнею деятельностью. Конечно, в числе этих лиц был подполковник Козловский, теперь с берегов Чёрного моря волею начальства переброшенный к Темир-Хан-Шуре, сборному пункту отряда, под начальством командира кавказского корпуса генерала от инфантерии Головина. Здесь он участвует в действиях отряда, сначала в Дагестане, а с конца мая месяца, под командою генерал-адъютанта Граббе, в движении и действиях отряда в Большой, затем в Малой Чечне, где предполагалось устроить укрепление Закан-Юрт. Если вообще горцы, даже те из них, которые не отличались особенною воинственностью, всеми мерами старались всегда препятствовать возведению в их землях наших укреплений, то понятно, что мало-чеченцы, едва ли не самое храброе племя на всём Кавказе, непрерывно и сильно тревожили отряд, стараясь помешать работам нового укрепления. Потому здесь Викентию Михайловичу каждый день, на каждом, можно сказать, шагу приходилось выказывать поражающее своё хладнокровие в опасностях и распорядительность, с которыми начальство имело теперь случай ознакомиться короче. Эти качества, вместе с 27-ми-летнею безукоризненною службою, были причиной назначения его, в чине подполковника, командующим Кабардинским полком. Вообще в нашей армии весьма редки назначения командующим полками в чине подполковников, но командование Кабардинским полком, с боевою славою которого могли поравняться лишь немногие кавказские полки, показывает, как высоко было мнение о В. М. Козловском главного кавказского начальства.

Время командования Кабардинским полком едва ли нельзя назвать самым блестящим временем службы Викентия Михайловича. В течение почти тридцати лет, живя с кавказским солдатом одною жизнью, перенося вместе с ним труды и лишения, он на опыте узнал все блестящие качества этого уже не сказочного чудо-богатыря — его безграничное терпение, высокое самоотвержение, почти всегда не подозревающее даже величия своих подвигов, глубочайшую преданность Царю, равняющуюся разве столь же глубокой привязанности к родине, и всё это при детском почти равнодушии к самым страшным опасностям; узнал он также, как легко

начальнику, сколько-нибудь заботливому, приобрести до фанатизма доходящую привязанность солдата, — и всю душою привязался он к этому солдату. За то и солдат платил ему искреннюю любовью и полнейшим доверием. Действительно, заботливость В. М. Козловского о солдате была самая полная, она казалась даже отчасти послаблением для тех, кто не знал всей строгости служебных его требований. Если остались ещё в Кабардинском полку сослуживцы В. М. Козловского, то они, наверно, могут сообщить не один забавный анекдот той щепетильной заботливости, какую он окружал солдата, и той наивности, с какою солдаты обращались к нему в своих нуждах. Не один старый кабардинец, служивший в полку тогда и доживающий свой век на покое, с чувством помянет храброго, заботливого полкового командира, помогавшего ему и товарищам в их семейных невзгодах.

С назначением полковым командиром и командующим войсками в Кумыкском владении, деятельности подполковника Козловского представляется большой простор; да и самое положение тогдашних дел в Чечне и Дагестане требует огромного напряжения энергии и боевых его способностей. В том же 1842 году, действуя в начале года самостоятельно, он в конце мая с частью своего полка поступает в состав отряда под начальством генерал-адъютанта Граббе, совершившего ичкерийскую экспедицию, в которой бесстрашие и мужество кавказских войск не могло, однако же, одолеть природы. Экспедиция окончилась неудачно; урон наш был очень чувствителен, но кабардинцы, как и всегда, оказались безупречны и только увеличили славу своей храбрости; их командир произведён в полковники.

1843 год очень замечателен в боевой деятельности полковника Козловского. Командуя самостоятельным отрядом, он с успехом действует в Большой Чечне. 30-го же сентября вылазкою из крепости Внезапной, с горстью кабардинцев и поражением огромного скопища, при четырёх орудиях, предводимого самим Шамилем, приобретает громкую и заслуженную известность на всём Кавказе; а там подобная известность приобреталась нелегко. Орден святого Владимира 3-й степени был наградою славного дела. В конце года Викентий Михайлович участвует в поражении неприятеля на Миатлинских высотах и в освобождении укрепления Миатлы, атакованного неприятелем. 1844 год начинается самостоятельным действием отряда полковника Козловского, и снова, как в предшествовавшем году, он наносит на берегах реки Акташа поражение огромному скопищу Шамиля, угрожавшему деревне Андреевой. Затем поступает в состав отряда генерал-лейтенанта Гурко, назначенного для возведения Воздвиженского укрепления.

За отличия, оказанные в этом году, он удостоивается Монаршего благоволения.

В 1845 году полковник Козловский со своими кабардинцами, сперва под начальством генерала Лидерса, потом под личным начальством главнокомандующего генерал-адъютанта князя Воронцова, участвует в знаменитой даргинской экспедиции. Входить в описание хода этой экспедиции, рассказывать те бедствия, какие приходилось испытывать войскам, высчитывать громадный урон людей отряда, также как и причины неудачи, здесь не место. Но нельзя умолчать, что действия Кабардинского полка в этой несчастной экспедиции были достойны удивления. Ни одного раза, ни при каких самых критических обстоятельствах кабардинцы не изменили самим себе. То же удивительное мужество, та же обычная стойкость характеризовали все их действия. Ещё много остаётся лиц, участвовавших в этой экспедиции, и нет ни одного, кто не отнёсся бы с выражением высокого уважения к поведению этого полка, кто не вспомнил бы, как в самых опасных местах, в самые критические минуты вся надежда на спасение возлагалась на этот полк. Полковник Козловский тут вполне выказал и хладнокровное мужество, и боевую опытность, достойно оценённые главнокомандующим, по представлению которого он произведён в генерал-майоры 7-го августа того же года.

Два года после этого Викентий Михайлович командовал Кабардинским полком, принимая участие во всех экспедициях в Большой Чечне, и в 1846 году награждён орденом святого Станислава 1-й степени. По сдаче же в 1847 году полка полковнику князю Барятинскому (ныне фельдмаршал), он назначен командиром 1-й бригады 21-й пехотной дивизии, и спустя недолго командиром 2-й бригады той же дивизии.

Около этого же времени в способе покорения Чечни произошла значительная перемена: принято за правило подвигаться внутрь страны, предварительно пролагая широкие просеки чрез обширные вековые леса, затруднительные движения по которым и неизбежные значительные потери в наших отрядах служили горцам надёжнейшею защитой. Большие экспедиции наши на так называвшемся тогда левом фланге, прилегавшем к Большой Чечне, с 1850 года исключительно имеют целью проложение таких просек. Первая и важнейшая из них должна была начаться к Шалинской поляне. Понятно также, что неприятель хорошо оценил последствия

подобных просек и решился не допускать нас производить их. Начинается ряд тяжёлых экспедиций, к которым с особенным старанием приготавливались и мы, и неприятель. Обыкновенно эти экспедиции производились зимою, так как лес, теряя листья, не мог служить неприятелю таким надёжным прикрытием, как летом. В зимней экспедиции 1850 года, продолжавшейся с половины января до половины февраля, принял участие и Викентий Михайлович. Как и следовало ожидать, неприятель оспаривал у нас каждый шаг земли, каждое срубаемое дерево; но, как само собою разумеется, мужество кавказского солдата восторжествовало, — предполагавшаяся просека, несмотря на ежедневные кровавые схватки, была окончена. За отличия, оказанные в этих делах, генерал-майор Козловский награждён орденом святой Анны 1-й степени. В апреле этого же года, начальствуя отрядом, он взял штурмом устроенные неприятелем крепкие Шалинские окопы и имел жаркое и удачное дело с огромными неприятельскими скопищами. В следующем 1851 году он начальствует большим отрядом в зимней экспедиции, назначенным для продолжения Шалинской просеки, и временно командует левым флангом кавказской линии. За блистательные действия отряда, вследствие распоряжений генерал-лейтенанта Козловского, ему пожалован орден святого Владимира 2-й степени. С производством 6-го декабря в чин генерал-лейтенанта, за отличие по службе, Викентий Михайлович назначен начальником 19-й пехотной дивизии. Впрочем, деятельность его как начальника дивизии продолжается только до ноября 1853 года, когда генерал-лейтенант Козловский назначен командующим войсками на кавказской линии и в Черномории.

В то время на обязанности командующего лежало не только общее направление и контролирование действий всех войск по сю сторону кавказского хребта, на пространстве от Чёрного до Каспийского морей, но и высший надзор за гражданским управлением края. Следовательно, такое назначение лучше всего свидетельствует о высоком доверии и уважении, с каким относился главнокомандующий не только к боевым, но и к административным способностям Викентия Михайловича. Назначение это получает ещё большую важность, если вспомнить, что оно последовало при открывшейся войне с Турцией, когда и без того слишком вековая вражда горцев усиливалась подстрекательством Турции и агентами Англии, старавшимися подвинуть Шамиля и Магомет-Амина к более решительным действиям; между тем часть старых опытных баталионов была заменена только что прибывшими резервными войсками. Тем не менее, неприятель на всём громадном протяжении линии не имел даже тени успеха. Отличная храбрость, военная распорядительность и попечение о вверенных генерал-лейтенанту Козловскому частях войск доставили ему новую награду орден Белого Орла.

Назначенный в 1855 году новый главнокомандующий кавказскою армиею, генерал-адъютант Муравьёв, отнёсся, как и следовало ожидать, с полным доверием и уважением к распорядительности и боевой деятельности Викентия Михайловича. Это доверие блистательно оправдано в том же году. По настоятельным приказаниям Шамиля и подстрекательствам иностранных агентов, действовавший в горах западного Кавказа Магомет-Амин решился овладеть Карачаем — горною странюю у подошвы Эльбруса. Удастся этот план, и гибельные последствия его немедленно отразились бы на армии, действовавшей в Азиатской Турции, потому что, вероятно, тотчас последовало бы восстание Кабарды и племён, обитающих по ту сторону военно-грузинской дороги, результатом чего могло быть прекращение сообщений Закавказья с Россиею и соединение доселе бессвязных действий горцев восточного и западного Кавказа. Между тем план легко мог удался: Карачай — страна в то время совершенно недоступная для движения отрядов с артиллериею, хотя и считался покорным почти 30 лет, но русские войска даже и при покорении страны не были внутри её, да и проникнуть в неё с севера казалось невозможным. Покорность этого края обуславливалась расположением к нам его жителей, считающихся лучшими стрелками на Кавказе. В описываемое время жители изменили нам, и, войдя в сношения с Магомет-Амином, приглашали его завладеть их краем, обещая полное содействие всего населения. Переговоры, конечно, велись тайно от нашего пристава в Карачае, единственного официального представителя правительства, равно как в такой же тайне делались приготовления и Магомет-Амина. В августе месяце, совершенно неожиданно для нас, двинулось десяти тысячное скопище Магомет-Амина в Карачай, угрожая в то же время и Кисловодску. Положение было крайне опасное: собирать значительные силы надо время, которым, конечно, воспользуется неприятель и займёт Карачай; под рукою же, то есть в местности, ближайшей к Карачаю, находилось всего три баталиона. Было над чем призадуматься. Но тут-то и выказались хладнокровие в опасные минуты и опытность, приобретённая в течение 40 лет. Буквально не мешкая и часу, Викентий Михайлович, случайно находившийся при упомянутых трёх баталионах, бросается с ними по следам партии, идёт трое суток, день и ночь, останавливаясь

только на 3, на 4 часа, наступает неприятеля у входа в Карачай и, невзирая на численное его превосходство, на почти неприступную позицию, атакует и разбивает наголову так быстро, что Магомет-Амину остаётся только спастись бегством, а карачаевцам явиться в тот же вечер с повинною. Разрушив опасные замыслы врага, старый воин, пользуясь смущением карачаевцев, решается прекратить навсегда повторение подобного хода дел проложением колёсной дороги в Карачай по таким трущобинам, где и привычному горцу с трудом можно было проехать верхом. С обычной энергиею он приступил к делу и без всяких смет и издержек проложил в три недели такую дорогу, по которой к изумлённым карачаевцам, никогда не видавшим в своих аулах русских солдат, явились они с двумя орудиями.

Под громом батарей Севастополя и Карса поход карачаевский не произвёл особенного впечатления, но не забудется он ни в истории кавказской войны, ни современниками, а ещё более теми, которые видели седого генерала день и ночь на коне, всегда весёлого, всегда шуткою или оригинальною выходкою ободрявшего солдата, всегда в самых опасных местах, спокойно делающего свои распоряжения, в конце концов единственно своею отважною решимостью предупредившего потерю Карачая и все вытекающие от того последствия.

С окончанием войны 1853—1856 годов снова принимаются деятельные меры к покорению Кавказа, и Викентий Михайлович проводит почти весь 1856 год в занятии новой линии на Малой Лабе и постройке там укреплений, при обычных делах и перестрелках с неприятелем. Во внимание отлично-усердной службы и трудов по обширным занятиям, по званию временно командующего войсками на кавказской линии и Черномории, Всемиловейше пожалован ему в этом году орден святого Александра Невского, и тогда же, при новом военном делении Кавказа, генерал-лейтенант Козловский назначен начальником правого крыла, с оставлением и начальником 19-й пехотной дивизии.

Весь следующий год деятельность Викентия Михайловича обращена на постройку на р. Белой Майкопского укрепления и на усиленную борьбу с горцами западного Кавказа, направившими все усилия, чтобы помешать утверждению русских на р. Белой, почему почти весь 1857 год прошёл в непрерывных делах с неприятелем; за оказанное при этом мужество и распорядительность генерал-лейтенант Козловский Всемиловейше награждён золотою шапкою, алмазами украшенною.

В начале 1858 года Викентий Михайлович снова действует за р. Белою, проявляя свойственную ему энергию и распорядительность, за что и удостоился получить Монаршую благодарность. Но это были уже последние его военные подвиги. 43-х-летняя, трудная боевая жизнь, при том же не всегда в здоровом климате, не могли не отразиться даже на его привычной ко всяким лишениям, крепкой натуре; здоровье его расстроилось, силы были утомлены. Старый доблестный воин должен оставить Кавказ, оставить боевую службу, которой честно посвятил все свои силы и способности. В марте месяце он назначен членом генерал-аудиториата военного министерства.

Впоследствии генерал-лейтенант Козловский был произведён в генерал от инфантерии (1866 г.), состоял членом комитета о раненых и числился в Кабардинском полку, которым некогда с такою славою командовал. Он умер, прослужив верою и правдою 58 лет. Главнокомандующий кавказскою армиею, Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Николаевич изволил почтить своим присутствием вынос тела доблестного воина.

Покойный Викентий Михайлович пользовался вполне заслуженною громкою известностью на Кавказе. Оно и понятно, если вспомнить, что имя его связано почти со всеми славнейшими подвигами кавказских войск, совершенными с 1832 по 1858 г., и с одним из славнейших кавказских полков — Кабардинским. При несокрушимой энергии, которая, кажется, увеличивалась вместе с препятствиями, он не боялся никакой ответственности, если ему казалось, что долг службы повелевает так поступить — и уже в этом случае невозможно было заставить его переменить принятое решение, хотя бы оно и оказывалось ошибочным. Он был истинно храбр и как почти все кавказские старые служаки до того свыкся с опасностями, что не обращал на них никакого внимания, оставаясь весёлым и совершенно спокойным среди самого жаркого дела, где смерть, так сказать, рыскала вокруг него. И замечательно, что он ни разу не был даже легко ранен. Как начальник он был требователен по службе, но замечательно справедлив, всегда готов сознаться в своей ошибке и помочь подчинённому словом и делом. Он сохранил юность сердца до глубокой старости и никогда не относился равнодушно к чужому горю. Вот тайна той искренней привязанности к нему тех, кто успевал узнать его покороче. Беспредельная любовь его к солдату сделалась притчею во языцех; за то и любовь солдата к нему доходила до самоотвержения. Случалось, при недостатке продовольствия в экспедициях, запасливый кавказский солдат, сам уже голодающий суток по двое, узнав, что у Викентия Михайловича

истощились запасы, тихонько ночью подкладывал у его палатки или шалаша остатки своего скудного запаса, и наутро нельзя было доискаться таинственного кормильца. Едва ли подобная привязанность не выше той, когда солдат в пылу битвы бросается на явную неизбежную опасность для спасения любимого командира. В последнем случае, самоотвержение, предписываемое исполнением долга, в первом — чисто личное самоотвержение, имеющее побуждение в любви к начальнику. Анекдоты о В. М. Козловском бесконечны и разнообразны. Можно ручаться, что ещё и теперь нет ни одного офицера, прослужившего на Кавказе лет 15, который не знал бы какой-нибудь его оригинальной выходки или фразы.

Привязанность Викентия Михайловича к кавказцам и Кавказу сохранилась до конца жизни. Избранный председателем кавказских вечеров, он был самым радушным хозяином, видевшим в каждом из присутствовавших на ежегодных вечерах, 4-го февраля, как бы члена родной семьи, и интересовался даже мельчайшими подробностями того, что делается и как живётся теперь на Кавказе.

Мир праху твоему, честный слуга Царю, справедливый и внимательный начальник, доблестный воин, почти пол-столетия бесстрашно жертвовавший жизнью, как повелевал тебе долг и честь. Пока будут существовать имена: Кабардинский полк, Чечня, Дарго, Внезапная, Карачай — не забудется и твоё имя ни историком, ни солдатом Кавказа.